

(Продолжение. [Начало «В» от 22.06.2022](#))

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

Когда первые лучики солнца озарили наши лица, я увидела слезы на глазах Гели. «Разве Рука может плакать», – язвительно начала я, всё еще находясь под впечатлением от нашей встречи на стадионе. «Не мовет, я просто вспомнила те самые когти», – ответила Ангелина. Я глубоко вздохнула и предложила рассказать всё, что случилось с ней за десять лет нашей разлуки. Мне хотелось понять, как милый Ангел смог превратиться в бандершу по кличке Рука, в арсенале которой, вместо невинных игрушек, были ножи и «розочки» от бутылок.

Геля, достав новую сигарету, начала свой рассказ...

Когда Геля переехала к бабушке, ей снова пришлось нелегко. Женщина, потерявшая сына, не смогла справиться с горем и пристрастилась к пагубной привычке. Ангелину бабка не била, даже не ругала, но и заботиться о ней не собиралась. Учеба Геле давалась нелегко, во втором классе её предложили оставить на второй год или перевести в школу-интернат для детей с задержкой психического развития. О последствиях обучения в подобных интернатах бабка не подумала, поэтому с легкостью перевела внуку в интернат с дневным пребыванием. В окружении таких же несчастных, никому не нужных детей Геля провела семь лет своей жизни.

Помимо аттестата об основном общем образовании, в интернате Ангелина получила навыки курения, употребления спиртных напитков и рукопашного боя. Мечтать не хотела, планы на жизнь не строила, жила на пенсию по потере кормильца. Получить комнату в общежитии помогла учительница из интерната. Только о ней Геля отзывалась с особым теплом, об остальных людях в её жизни говорила в самых крепких и жестких выражениях.

На мой вопрос, зачем она калечит людей на стадионе, Геля ответила, что никогда никого не резала, только пугала и развлекалась. Ей нравилось видеть ужас и страх в

глазах чистеньких излюбленных принцесс. Умоляя о пощаде, расфуфыренные красотки отдавали деньги, валялись в ногах, унижались, придавая Руке уверенность в своей безграничной власти. Я спросила про маму и снова увидела слезы в глазах Гели. «Ненавижу эту тварь», – сквозь зубы процедила Ангелина. От разговора о матери она уклонилась.

Мы еще немного посидела на лавочке, когда замерзли, вернулись в общежитие. Часы показывали семь утра, нужно было возвращаться домой. Я разбудила Лелю, на прощание обняла Гелю, на газете написала свой домашний телефон и предложила снова встретиться, чтобы обсудить планы на будущее. Она тихонько извинилась за свою банду, предложила на следующей неделе вместе сходить на дискотеку в «Монтажник». Я утвердительно кивнула, но не была уверена, что снова захочу попасть на стадион. Мы с Лелей вышли из общежития и молча поплелись домой.

Я тайком пробралась в родительский дом и юркнула в ванную комнату, чтобы смыть с себя остатки косметики, сигаретной вони, специфичного запаха общежития и следов печати с диснеевским персонажем, оставленным охранником стадиона. После душа я облачилась в мягкий халат, добралась до своей комнаты, бездыханно рухнула на кровать и отключилась на несколько часов. Мама зашла в мою комнату около одиннадцати. Она удивилась, что не услышала, как я зашла домой, стала расспрашивать причину моего раннего возвращения. Во избежание скандала мне снова пришлось соврать. Я объяснила, что Леля с мамой первым автобусом отправились на дачу, поэтому домой пришлось вернуться раньше обычного времени. Мама поцеловала меня в лоб и предложила вместе позавтракать. Я попросила еще полчаса понежиться в постели, но больше не сомкнула глаз.

Передо мной кружились картинки из детства. Я помнила все дни рождения, которые устраивали мне родители. Несмотря на скромный доход нашей семьи, они никогда не жалели на меня денег. Всегда баловали, делали сюрпризы, дарили заботу и любовь. Только теперь я поняла, что от судьбы получила настоящий подарок, который достается не каждому ребенку. Мне было жалко Ангелину, и я захотела помочь своей давней подруге. Для себя я решила, что уговорю Гелю продолжить обучение в каком-нибудь училище, постараюсь привести в порядок её жилище и попытаюсь научить мечтать.

Самым легким оказалось дело, связанное с уборкой комнаты. За несколько дней мы переклеили обои, помыли санузел, постирали шторы. Чтобы объяснить домашним мое частое отсутствие, мне пришлось рассказать родителям о встрече с Гелей, которая состоялась якобы на улице. Выслушав историю о её судьбе, мама, не задумываясь,

отдала несколько махровых полотенец и постельное белье. В шкафу отыскала старенький набор вилок и стаканов, которые тоже отдала Геле. Отец вставил новую дверь в её комнату. Через пару недель жилище моей подруги преобразилось, в нём стала пахнуть свежестью и чистотой.

Несмотря на все доводы в пользу образования, с учебой дела оказались почти безнадежными. Геля даже слушать не хотела об училище, разговоры о планах на жизнь пресекала. Но я не отчаивалась, лишь на время отступила, чтобы ближе к осени снова начать наши переговоры. Я стала много времени проводить с Гелей, что, безусловно, злило Лелю. Между собой они не ладили, и мне пришлось сделать выбор. Моя школьная подруга была очень близким человеком для меня, но бросить Ангелину я не могла. Я отвадила от Руки её мужеподобных подруг. Вместе мы читали книги, ходили в кино, обсуждали сюжеты новых фильмов. Она стала реже курить, из спиртного пила только пиво и всё время уговаривала меня сходить в «Монтажник» на дискач. Я понимала, что новый образ жизни для развязной Руки был скучным, но всё равно надеялась, что смогу изменить судьбу подруги.

Лето мы провели вместе. Но началась осень, мне нужно было сосредоточиться на обучении, чтобы успешно сдать выпускные экзамены и поступить в престижный институт. С Ангелиной мы стали встречаться реже, я снова сблизилась с Лелей. По выходным дням я навещала Гелю, но замечала на ней следы недавних попок. Из-за ранних холодов дискотеки на стадионе «Монтажник» прекратились, но кисти рук Гели всегда почему-то были разбиты. Совершенно случайно я узнала, что Рука стала посещать школьные дискотеки и там кошмарить учеников. Потом она переключилась на мероприятия, которые проводились в доме культуры.

Однажды я застала её в туалете соседней школы. Там старшеклассники проводили конкурс «Мисс Осень - 98», после которого директор школы разрешила потанцевать в актовом зале. Зайдя в уборную, чтобы освежиться и привести макияж в порядок, я услышала тихий плач и знакомый голос. В туалете стояла Рука вместе с парочкой старых знакомых, и, угрожая расправой, вымогала деньги у девятиклассницы. Я окликнула Гелю по имени. Она посмотрела на меня пьяным затуманенным взглядом и сказала: «Отвали». Это хамство возмутило меня, я схватила перепуганную девчонку за руку, а банду предупредила, что позвоню в милицию, если они сейчас же не уберутся отсюда. Геля стала извиняться, утверждать, что просто не узнала меня, глупо улыбаться и шутить. Беззубая начала прыгать, изображая каратистку, махать ногами и руками, сжатыми в кулаки. Рука вlepила подзатыльник своей подруге, между ними началась драка. На шум и крики сбежали преподаватели и директор. Разнять боевичек смогли только через несколько минут. За это время беззубая разбила нос и губы Руке, кровь залила её лицо и пол туалета. Я смотрела на свою подругу, которой всем сердцем

хотела помочь, и понимала, что мои усилия оказались тщетными. Её внутренний мир, привычки и характер формировались в условиях насилия, необходимости защищаться, чтобы выжить и чувствовать себя «звездой». Сопливые романы, которые я читала вслух в попытке развить воображение обездоленной девчонки, забота, разговоры о планах и мечтах были для неё пустым и ничтожным занятием. Я закрыла руками лицо и горько заплакала. Учителя подумали, будто в драке досталось и мне, но я, убедив всех в своей невредимости, выскочила из туалета, схватила в гардеробе пальто и побежала домой, захлебываясь от слез.

Родители, увидев меня заплаканной и растрепанной, перепугались не на шутку. Нужно было успокоиться, чтобы рассказать о своей душевной травме и безнадежности усилий, вложенных в этого зверька, который никогда не станет чистым Ангелом, поскольку до конца жизни будет лишь картавой некрасивой испорченной Рукой. Мама нежно обняла меня, попыталась успокоить, уверяла, что мы сделали всё, что было в наших силах для поддержки и помощи человеку, попавшему в беду. Чтобы не расстраивать маму, я согласилась с ней, но еще несколько месяцев ощущала ноющую боль в душе.

После зимних каникул дни замелькали с удвоенной скоростью. На смену школьным занятиям приходили факультативы, сменяющиеся подготовительными курсами в институте, расположенном в соседнем городе. Дорога на автобусе в одну сторону занимала около часа. В это время я могла немного поспать. Высокая нагрузка и усталость научили меня дремать даже стоя, держась за поручни транспорта.

Мои усилия оказались ненапрасными: я успешно сдала выпускные экзамены и поступила в институт на бюджетное отделение. Чтобы сэкономить деньги и время на дорогу до института и обратно, родители сняли для меня квартиру возле вуза. Перед защитой дипломной работы они смогли её выкупить, сделав хозяйкой собственного жилья. Я не сразу нашла достойную работу, но еще на втором курсе встретила прекрасного парня, ставшего моим мужем. Мы оба были вспыльчивыми и упрямыми, в начале семейной жизни нередко ссорились по пустякам, но с годами столкновения между нами происходили всё реже, мы научились вовремя отступить и беречь друг друга.

Леля сразу после окончания школы уехала учиться в другой регион, вскоре забрала к себе маму. Несколько лет мы переписывались, поздравляли друг друга с днем рождения, но со временем письма стали приходить реже, к моменту рождения нашего с мужем сына связь со школьной подругой окончательно оборвалась.

Муж заменил мне друзей и подруг. Мы редко расставались и всё всегда делали вместе, но иногда я скучала о Леле, даже грустила по Геле. Я давно выросла, много изучала психологию человеческих отношений, по научной книжке растила и воспитывала своего ребенка, помогала только тем людям, которые сами просили о помощи, но иногда думала, что напрасно бросила свою бандитку. Я перестала злиться на свою несчастную подругу из детского сада «Ромашка», простила её, но искать встречи не решалась. Но судьбе было угодно, чтобы мы встретились снова.

Несмотря на то, что я давно жила в другом городе, мы с семьей часто гостили у моих родителей, которые души не чаяли в своем зяте и внуке. Для покупки гостинцев мы зашли на местный рынок, купили фрукты, овощи и отправились к выходу. Вдруг я услышала свои имя и фамилию, которую около десяти лет назад сменила на другую. Я обернулась и стала глазами искать знакомое лицо. Рядом со мной стояли люди, но я их не знала, подумала, что мне послышалось, и решила продолжить движение, но снова услышала: «Маша Пирогова, стой!» Ко мне подошла молодая женщина и сказала: «Ты не помнишь меня, я Ангелина Рукосуева». Я не поверила своим глазам. Передо мной стояла улыбчивая, уверенная в себе красотка с белоснежными ровными зубками, длинными черными волосами, с полным отсутствием дефектов речи. Её вид поразил меня до глубины души. «Геля, привет!» – радостно воскликнула я и обняла подругу. Мы обе спешили, но непременно должны были узнать о судьбах друг друга. Муж и сын отправились в машину и дали возможность нам немного поговорить.

Геля начала с извинений за тот поганый вечер, который поставил точку в наших отношениях. На школьной дискотеке директриса всё-таки вызвала наряд милиции и Гелю поставили на профилактический учет в отделе по работе с несовершеннолетними. Власти попытались вразумить мать заняться воспитанием Гели, но та снова вышла замуж, была беременна очередным ребенком и не собиралась уделять внимание давно забытой дочери. Следующим летом Гелю задержали около стадиона «Монтажник», она была участником беспощадной драки. Инспектор предупредила, что если нарушительница не пойдет учиться или работать, то обязательно загремит в колонию для несовершеннолетних. На следующий день инспекторша отвезла Гелю на экскурсию в СИЗО, а через неделю – в женскую тюрьму. Эти необычные экскурсии оказали серьезное влияние на бандитку, несравнимое с моими уговорами, той же осенью Геля поступила в училище для получения профессии маляра и окончательно разорвала отношения с подругами. На производственной практике она встретила мужчину, который работал сварщиком. Он был старше Ангелины на пятнадцать лет, смог растопить лед в сердце израненной девушки и превратить гадкого утенка в настоящего лебедя. На пятую годовщину их свадьбы Геля узнала, что беременна. Она мечтала родить девочку, чтобы назвать её в честь меня, но судьбе было угодно подарить семье Гели сына. Она открыла сумочку и вытащила кошелек, в боковом кармане которого лежала фотография белокурого кареглазого сыночка, напоминающего ангела. Он сидел на руках некрасивого, но очень сильного мужчины, немного похожего на отца Гели,

которого я видела на фотографиях.

Бабка Ангелины умерла после очередной пьянки, когда внучке исполнилось двадцать лет. Квартиру она приватизировать не успела, поэтому в наследство ничего не оставила. К моменту нашей встречи мать Гели лежала в больнице и умирала от цирроза печени. Я удивилась этому диагнозу, ведь её мать никогда ничего не пила. «Зато была самой ядовитой женщиной на свете», – продолжила Геля. Мне не понравилось, что о матери она говорила в прошедшем времени, но поправлять её не имела права. Подружка объяснила, что сейчас оформляет опеку над своими двумя сводными братьями и готовится принять затравленных несчастных ребятшек в свою семью. Мне хотелось предостеречь будущую многодетную мать и напомнить о своих тщетных усилиях в отношении её самой, но, видя перед собой абсолютно другую женщину, говорить и вспоминать ничего не стала. Спросила про мнение супруга насчет усыновления чужих детей и, услышав о его благородной и мудрой поддержке, пожелала счастья и успехов.

Напоследок Геля рассказала, как несколько раз принимала участие в ремонте нашего стадиона «Монтажник», но недавно услышала, будто стадион собираются снести как старое непригодное сооружение, чтобы на его месте построить современный спортивно-оздоровительный комплекс. Дискотеки в «Монтажнике» так и не принесли мне удовольствия, но, проезжая мимо, я не раз вспоминала, как встретила там подругу своего детства. Стадион действительно выглядел старым и обветшавшим, однако новость о его сносе всё равно вызвала грусть в моей душе. Так сложилось, что в небольшом городке, где я родилась и выросла, всё старое и ветхое сносили без труда, вот только новое строить не спешили.

Мы еще немного поговорили о моих родителях, обнялись как родные люди и разошлись по своим делам. Телефонами обмениваться не стали, обе знали, что вряд ли сможем встречаться или дружить: слишком много лет мы прожили порознь и строили разные планы на будущее. Но я поблагодарила судьбу за то, что дала мне возможность успокоить душу и узнать про жизнь подруги детства. Брошенная своими родными и близкими, оказавшаяся на дне жизни, Ангелина всё же смогла обрести счастье, стать прекрасной женой и мамой, способной окружить заботой и любовью даже чужих детей.

Я села в машину и почему-то расплакалась. Супруг испуганно посмотрел на меня, спросил причину моих слез, я не нашлась, что ответить, сказала, что встретила старую знакомую, которая поведала о сносе стадиона «Монтажник». «Ну и слава Богу», – неожиданно ответил муж, который, оказывается, тоже бывал на дискотеках нашего стадиона и бился с местной братвой за право посетить танцпол: «Давно пора снести

этот рассадник поножовщины и драк. Надеюсь, милая, у нашего сына будут совсем другие развлечения», – подытожил супруг, нежно поцеловал меня в губы и повез на званый ужин к родителям...

Ариша ЗИМА